

ГЛАВА XIII

Десять лѣтъ прогресса

Женскій вопросъ въ Японіи является въ настоящее время дѣломъ большой важности. Кажется, что въ умахъ даже наиболѣе консервативныхъ людей живетъ безпокойное сознаніе, что какая нибудь перемѣна въ положеніи женщины неизбежна, если только государство желаетъ сохранить то мѣсто, которое оно завоевало для себя въ настоящее время. Японскія женщины прошлаго и настоящаго вполне приспособлены къ положенію, отводимому имъ нынѣ въ обществѣ, но всякая попытка измѣнить ихъ умственный горизонтъ безъ перемѣны этого положенія равносильна вставленію прямоугольныхъ клиньевъ въ круглыя отверстія. Если ужъ такіе клинья должны быть вставлены, то надо и отверстія измѣнить для нихъ. Японскую женщину не надо измѣнять, если только не имѣть въ виду необходимости какого либо расширенія ея мѣста въ жизни. Съ другой стороны, она не можетъ заполнить такого мѣста безъ полученія лучшаго образованія. Современные японцы, которымъ мнѣнія и обычаи западнаго міра дѣлаются все болѣе и болѣе близкими, хотя и „дрожать отъ ужаса“ во многихъ случаяхъ при мысли, что ихъ женщины уподобятся когда нибудь „самоувѣреннымъ полумужчинамъ“ За-

пада, высказываютъ все возрастающее неудовлетвореніе незначительностью и узостью поля дѣятельности своихъ женъ и дочерей, и постоянно усиливающееся убѣжденіе, что болѣе образованныя женщины улучшили бы ихъ семейные очаги, и что идеальный домъ европейца и американца есть продуктъ болѣе передовой цивилизаціи, чѣмъ японская. Во многихъ случаяхъ неохотно,—но всетаки почти во всѣхъ слояхъ японскаго общества,—допускается, что какъ въ интересахъ семейнаго очага, такъ и для блага будущихъ поколѣній, что нибудь надо сдѣлать, чтобы поставить женщину въ положеніе гармонирующее съ тѣмъ, чего народъ достигъ во всѣхъ другихъ направленіяхъ. Такое направленіе проявляется и въ индивидуальныхъ усиліяхъ отцовъ семейства дать болѣе передовое воспитаніе особенно способнымъ дочерямъ, и въ общихъ усиліяхъ улучшить положеніе женщины. Наиболѣе доброжелательные отцы охотно тратятъ деньги на воспитаніе своихъ дочерей за границей, или отсрачиваютъ время выдачи ихъ замужъ, для того, чтобы имѣть возможность осуществить планъ болѣе широкаго образованія ихъ. Тогда какъ десять лѣтъ назадъ число женщинъ, воспитывавшихся за границей, можно было сосчитать по пальцамъ одной руки, нынѣ въ одномъ только Токио такихъ „счастливицъ“ насчитывается вчетверо большее число. Другимъ знаменіемъ времени является фактъ, что мужья, отправляясь за границу по дѣламъ или для удовольствія, хотя бы даже только на нѣсколько мѣсяцевъ, все болѣе и болѣе охотно берутъ съ собой своихъ женъ. Теперь можно найти во всѣхъ большихъ городахъ женщины, которыя провели большее или меньшее время въ какомъ либо иностранномъ государствѣ и умственный горизонтъ которыхъ поэтому расширенъ знакомствомъ съ новыми идеями. Все это

рано или поздно не может не оказать, конечно, широкаго вліянія на страну.

Усилія въ пользу улучшенія положенія женщинъ вообще проявляются въ Японіи мѣрами, которыя можно раздѣлить на четыре категоріи: законодательство, образованіе, пропаганда идей по этому вопросу печатнымъ словомъ и дѣятельность обществъ взаимнаго усовершенствованія.

О недавнемъ законодательствѣ по отношенію къ браку и разводу, а также объ его вліяніи на семейную жизнь, я говорила въ предшествующей главѣ. Самая послѣдняя статистика показываетъ, что въ то время, какъ до изданія новыхъ законовъ одинъ разводъ приходился на три брака, теперь одинъ разводъ приходится на пять браковъ. Нужно сказать, однако, что законъ всетаки пока еще впереди общественнаго мнѣнія и обычая, которые сильнѣе его, а потому, хотя шансовъ на неразрывность узъ брака теперь болѣе, чѣмъ было до тѣхъ поръ, пока новый законъ не вошелъ въ силу, и теперь еще бракъ слишкомъ часто является только временнымъ соглашеніемъ. Во многихъ случаяхъ жена знаетъ мало или ничего не знаетъ о своихъ новыхъ правахъ; и даже когда знаетъ о нихъ, то рѣдко имѣетъ смѣлость отстаивать ихъ, предпочитая кротко подчиняться диктатурѣ тѣхъ, которыхъ безусловно почитать и слушаться она обязана по обычаю, если не по закону. Но, разъ законы уже улучшены, въ такой странѣ, какъ Японія, можно быть увѣреннымъ, что обычай со временемъ уступить имъ.

По отношенію къ собственности новыя законы достаточно обезпечиваютъ женщину. Какъ я уже говорила, отъ каждой женщины въ Японіи ожидается, что она сдѣлается женой; и въ дѣйствительности не-

замужнихъ японокъ, въ числѣ женщинъ, достигшихъ половой зрѣлости, такъ мало, что едва ли стоитъ упоминать о нихъ. Жены, по японскому закону, раздѣлены на двѣ категоріи: жена, входящая въ семейство мужа, и жена, мужъ которой дѣлается членомъ ея семьи. Во второмъ случаѣ жена является главой послѣдней, отвѣтственна за долги семьи и имѣетъ право распоряжаться и пользоваться имуществомъ мужа. Въ первомъ случаѣ (а я уже говорила ранѣе, что онъ встрѣчается значительно чаще, чѣмъ второй), мужъ отвѣтственъ за имущество своей жены и поэтому имѣетъ право распоряжаться имъ. Во всѣхъ случаяхъ, если только мужъ не признанъ невмѣняемымъ, онъ является фактически владѣльцемъ имущества жены, и только при его невмѣняемости жена занимаетъ его мѣсто, имѣя право тогда обратиться къ суду съ просьбой о принятіи мѣръ къ охраненію имущества, которое она ввѣрила мужу; и она можетъ, съ согласія своего мужа, вести независимое отъ него торговое дѣло. Доходы, которые можетъ принести тогда послѣднее, принадлежать ей, а не мужу. Всякое имущество въ семьѣ, принадлежность котораго не вполне установлена, дѣлается собственностью главы этой семьи — мужчины или женщины безразлично. Мы такимъ образомъ видимъ, что законъ въ Японіи вполне признаетъ право замужнихъ женщинъ владѣть собственностью, хотя только въ исключительныхъ случаяхъ имъ позволяется распоряжаться ею. Въ дѣлахъ, относящихся до домохозяйства, законъ смотритъ на жену, какъ на агента мужа.

На практикѣ случается, и притомъ нерѣдко, что жена распоряжается всѣмъ доходомъ, приходящимся на долю семьи, получая его отъ мужа и состоя какъ бы его казначеемъ. Собственный свой заработокъ жена

рѣдко отдастъ мужу и вполнѣ независима въ распоряженіи тѣми денежными суммами, на которыя увеличиваетъ доходъ семьи. Но еслибы жена внесла въ семью, при вступленіи въ бракъ, имущество, которое дѣлается достояніемъ хозяйства, то надо думать, что, за исключеніемъ случая развода, она никогда не предъявить къ своему принципалу какихъ либо требованій по отношенію къ этому имуществу и не будетъ смотрѣть на него, какъ на свою собственность. Если мужъ и не можетъ въ дѣйствительности распоряжаться имъ безъ ея согласія, то можно быть увѣреннымъ, что она дастъ ему какія угодно полномочія на послѣднее, если онъ спроситъ ихъ. Мы такимъ образомъ видимъ, что въ Японіи есть стремленіе дать распоряженіе доходами, какъ функцію домохозяйства, женщинѣ, а основное имущество, также какъ и веденіе внѣшнихъ по отношенію къ домохозяйству дѣлъ, оставить въ распоряженіи мужчины. Эта система домашняго финансоваго дѣла, кажется, довольно схожа съ практикующеюся въ небольшихъ и экономныхъ американскихъ семьяхъ и показываетъ, что духъ взаимнаго довѣрія между мужемъ и женой присущъ и японцамъ въ такой же мѣрѣ, какъ западнымъ народамъ. Какъ результатъ моего собственнаго наблюденія во многихъ домахъ, я могла бы сказать, что на благоразуміе жены въ денежныхъ дѣлахъ въ Японіи полагаются столько же, сколько и въ Америкѣ, и что въ одномъ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи мѣсто жены въ семьѣ также отвѣтственно, какъ мѣсто домохозяйки на Западѣ. Я могу привести даже примѣръ, когда японка приобрѣла, такъ сказать, національную репутацію въ серьезномъ коммерческомъ дѣлѣ. Родившись въ семьѣ, прославившейся своими успѣхами во всѣхъ почтенныхъ финансовыхъ пред-

пріятіяхъ, она наслѣдовала большую долю фамилі-
ныхъ способностей, и ей поэтому было ввѣрено личное
управленіе большимъ банкомъ, такъ же какъ и свя-
занными съ его дѣятельностью предпріятіями. Имя ея,
а не имя мужа, появляется нынѣ въ отчетахъ и раз-
ныхъ заявленіяхъ по дѣламъ этого банка, и ея здравый
смыслъ и логика, если только вѣрить печати, создали
богатство, которымъ она и мужъ владѣютъ совмѣстно.

Въ воспитательной системѣ Японіи женскія школы
содержатся, говоря вообще, правительствомъ; но въ
такихъ школахъ учебный планъ не идетъ далѣе учеб-
наго плана, принятаго въ среднихъ мужскихъ шко-
лахъ; единственное исключеніе составляетъ высшая
нормальная женская школа въ Токіо, которая подго-
товляетъ ученицъ къ занятію должностей учитель-
ницъ въ обыкновенныхъ женскихъ нормальныхъ шко-
лахъ. Въ годовомъ отчетѣ министра народнаго про-
свѣщенія за 1898 годъ, послѣдній, какой я могла
достать, читаемъ:

„Высшія женскія школы суть учрежденія, обуча-
ющія дѣвушекъ тѣмъ высшимъ общеобразовательнымъ
предметамъ, какіе необходимы для женщинъ“. Это
рисуетъ достаточно рельефно идею, которая господ-
ствуетъ во всѣхъ усиліяхъ правительства и многихъ
частныхъ лицъ въ дѣлѣ распространенія образованія
женщинъ въ Японіи: между строками читаешь, что
школы учатъ только такимъ предметамъ, которые при-
знаются необходимыми для женщины; что нибудь боль-
шее кажется излишнимъ, можетъ быть, даже опас-
нымъ. Мысль о женщинѣ, какъ о существѣ, сердце
и умъ котораго позволительно воспитывать до предѣ-
ловъ возможности, еще до нѣкоторой степени чуждо
пониманію средняго мужчины въ Японіи. Вмѣсто того
есть идея, что женщина должна быть обучена только

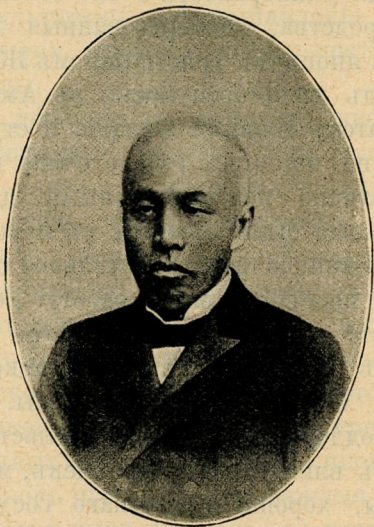
такимъ предметамъ, которые необходимы для истиннаго пониманія ею своихъ обязанностей въ качествѣ жены и матери. Но если Японія нынѣ тамъ, гдѣ Англія и Америка были въ первую половину девятнадцатаго столѣтія, то, во всякомъ случаѣ, страна движется впередъ, какъ показываетъ это статистика въ дѣлѣ образованія за три послѣдовательныхъ года, съ 1896 по 1898 годъ. Большія усилія были сдѣланы, и съ хорошими результатами, для доставленія средствъ возможно большому числу дѣвочекъ посѣщать элементарныя школы.

По мѣрѣ перехода къ высшимъ школамъ разница въ числѣ учащихся, въ отношеніи пола, возрастаетъ все болѣе и болѣе. Въ дѣтскихъ садахъ число дѣвочекъ почти равно числу мальчиковъ; въ элементарныхъ школахъ вышшаго разряда—семь мальчиковъ на двѣ дѣвочки; на четырнадцать мальчиковъ, обучающихся въ мужскихъ среднихъ школахъ, приходятся только двѣ дѣвочки, обучающіяся въ высшихъ женскихъ школахъ, учебный курсъ которыхъ не превосходитъ такого же курса мужскихъ среднихъ школъ. Въ ремесленныхъ и техническихъ школахъ пятнадцать мальчиковъ приходится на каждыя двѣ дѣвочки. Даже въ нормальныхъ школахъ, въ которыхъ у насъ, въ Америкѣ, число женщинъ скорѣе превышаетъ число мужчинъ, въ Японіи приходится шесть мужчинъ на одну женщину. „Спеціальныя школы“, главнымъ образомъ профессиональныя, имѣютъ на 11.069 мужчинъ семьдесятъ три женщины, которыя все обучаются въ частныхъ школахъ и предполагаютъ пойти по медицинской дорогѣ: ни этой послѣдней женщины не имѣютъ перспективы на поприщѣ интеллигентнаго профессиональнаго труда. Въ высшихъ школахъ, равносильныхъ коллегіямъ и курсамъ вольнослушателей

въ американскихъ университетахъ, 7.224 молодыхъ чело-
вѣка пользуются возможностью получить такое обра-
зованіе, за которымъ женщины должны ѣхать за гра-
ницу.

Эти цифры относятся, какъ я сказала, къ 1898 году.
1901 годъ ознаменовывается двумя отрадными фактами.
Одинъ изъ нихъ—открытіе учрежденія, носящаго ти-
туль „женскій университетъ“; оно основано и содер-
жится на средства, пожертвованныя и собранныя
энергичнымъ японцемъ-христіаниномъ Жинцо Нерузь,
который жилъ нѣкоторое время въ Америкѣ. Пять-
сотъ кандидатокъ заявили желаніе поступить въ это
учрежденіе, но изъ нихъ только очень немногія ока-
зались достаточно подготовленными для слушанія
курса; остальные были приняты въ нарочно для этой
цѣли организованное приготовительное отдѣленіе, ко-
торое пока и несетъ главную работу. Господинъ Не-
рузъ полагаетъ, однако, что въ скоромъ времени уже
можно будетъ расширить университетское отдѣленіе
и сократить подготовительные курсы. Учредитель
пользуется поддержкой и покровительствомъ со сто-
роны многихъ вліятельныхъ японцевъ, между ними—
графа Окумы, хорошо извѣстнаго государственнаго
дѣятеля прогрессистскаго направленія. Онъ на тор-
жествѣ открытія женскаго университета произнесъ съ
кафедры рѣчь, въ которой выразилъ убѣжденіе, что
страна будетъ вдвое сильнѣе, чѣмъ теперь, когда и
женщины будутъ образованы также, какъ мужчины.
Стремленіе къ этой цѣли онъ назвалъ „поднятіемъ
двойного знамени“. Турція, Египеть, Персія и Китай,
сказалъ онъ, суть страны, которыя пытались и пыта-
ются обойтись съ ординарнымъ знаменемъ и которыя
остались безспорно позади. Далѣе, графъ Окума обра-
тилъ вниманіе на фактъ, что, согласно первоначаль-

ной религіи своей, Японія чтитъ женщину уже тѣмъ, что, какъ одному изъ главныхъ божествъ, поклонялась богинѣ свѣта; но что, къ несчастью для государства, женщина въ немъ была постепенно низведена на низшую ступень. Сказавъ о томъ, чѣмъ обязана Японія Китаю по отношенію къ цивилизаціи и этической системѣ, поставившихъ ее такъ давно на большую

Графъ Окума.

высоту, маститый государственный мужъ сказалъ, что тѣмъ не менѣе общество въ Японіи послѣ того было поражено болѣзнию, которая не можетъ быть излечена заурядными средствами. Единственнымъ дѣйствительнымъ лекарствомъ надо считать радикальную реформу въ идеалахъ семейной жизни, а она можетъ быть совершена только улучшеніемъ въ положеніи женщины, — улучшеніемъ, которому учрежденія, подобныя открывающемуся сегодня, будутъ сильно способствовать.

Эти слова одного изъ самыхъ почтенныхъ передовыхъ дѣятелей въ Японіи выразили чувства, господствующія въ странѣ въ этотъ тридцать четвертый годъ Меиджи. Что такими чувствами дѣйствительно воодушевлены и правительство, и народъ, это доказывается обращеніемъ Кикуси, министра народнаго просвѣщенія, къ совѣту провинціальныхъ губернаторовъ, засѣдавшему въ Токио, въ іюнѣ 1901 года. Говоря о прогрессѣ просвѣщенія въ странѣ, онъ высказалъ намѣреніе подвинуть впередъ дѣло средняго образованія женщинъ, замѣтивъ при этомъ, что префектура, которая отказалась обезпечить для него средства на 1903 годъ, можетъ быть заставлена правительствомъ измѣнить такое постановленіе.

Другой отраднѣйшій фактъ въ дѣлѣ развитія женскаго образованія — это открытіе школы въ маленькомъ масштабѣ, но съ высокимъ идеаломъ, японкой, которая извѣстна не только у себя на родинѣ, но и въ Америкѣ, какъ воспитательница съ выдающимися педагогическими талантами и съ безграничной преданностью своему дѣлу. Послѣ многихъ лѣтъ работы въ качествѣ учительницы въ женской дворянской школѣ — положенія весьма почетнаго съ японской точки зрѣнія, она отказалась отъ него для приведенія въ исполненіе своего давно задуманнаго плана. Съ денежной помощью своихъ американскихъ друзей она основала школу для подготовленія тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ или женщинъ, уже окончившихъ курсъ общаго образованія, которыя желаютъ сдѣлаться учительницами англійскаго языка въ правительственныхъ школахъ. Экзамены для занятія такихъ должностей были всегда открыты женщинамъ; но, вслѣдствіе трудности полученія надлежащей подготовки, лишь немногія изъ кандидатокъ выдерживали ихъ. Съ са-

мыхъ первыхъ дней открытія, въ сентябрѣ 1900 г., школа всегда переполнена способными ученицами, и скромное сначала оборудованіе ея постоянно богатѣетъ и расширяется въ значительной степени. Дѣвушки поступаютъ сюда изъ правительственныхъ высшихъ школъ и изъ миссіонерскихъ школъ и проходятъ трехлѣтній учебный курсъ, въ который входятъ: англійская литература, сочиненія, переводы и методика преподаванія. Въ признаніе заслугъ учредительницы этого новаго учебного заведенія, она въ текущемъ году была назначена въ число членовъ экзаменнаго комитета для правительственныхъ испытаній въ англійскомъ языкѣ, — честь, никогда ранѣе не оказывавшаяся представительницамъ ея пола и сама по себѣ служащая знаменемъ начавшейся лишь нѣсколько лѣтъ перемѣны въ образѣ мыслей японскаго общества по отношенію къ положенію женщины.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло образованія женщинъ идетъ впередъ, поощряемое передовыми людьми страны и при помощи энергичной работы самихъ женщинъ. Пока оно еще далеко позади дѣла образованія мужчинъ, и идеаль бѣльшей части дѣятелей на его поприщѣ ограниченъ чисто утилитарными задачами; но такъ какъ дѣло это движется впередъ, а не назадъ, и такъ какъ годы работы уже даютъ все большее и большее число женщинъ, готовыхъ встрѣтить измѣнившіяся требованія времени, то мы должны отнестись къ нему съ одобреніемъ скорѣе, чѣмъ съ критикой, помня, что оно преслѣдуетъ задачу, чрезвычайно сложную и притомъ такую по существу, что даже наилучшимъ образомъ освѣдомленный иностранецъ можетъ видѣть только малую часть сопряженныхъ съ нею затрудненій.

Уже нынѣ, въ 1901 году, факты ясно показыва-

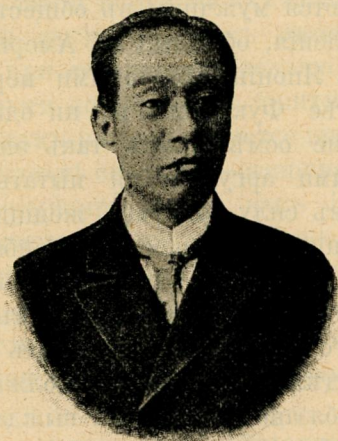
ють, что теперь пресса въ Японіи обладаетъ почти такимъ же вліяніемъ, какъ на Западѣ, и интересно замѣтить, что между безчисленными газетами и журналами, издающимися въ странѣ, около двадцати или болѣе посвящены исключительно интересамъ женщинъ. Можно быть увѣреннымъ, что эти „женскіе журналы“ не основаны для того, чтобы давать читательницамъ самую возвышенную умственную пищу, такъ какъ лучшіе изъ нихъ трактуютъ, быть можетъ, о предметахъ того же порядка, какъ и „Журналъ для женщинъ“ въ Соединенныхъ Штатахъ. Они посвящены въ широкой мѣрѣ вопросамъ нравственности, трактуютъ о манерахъ и преподаютъ совѣты по дѣламъ домохозяйства и семейнаго очага вообще. Эти журналы болѣею частью ведутся мужчинами, во многихъ случаяхъ очень молодыми, и скорѣе выражаютъ взгляды современныхъ представителей интеллигентнаго класса мужчинъ насчетъ того, каковы, по ихъ мнѣнію, должны быть женщины, чѣмъ заглядываютъ въ мысли самихъ женщинъ. Расходясь въ числѣ около 40.000 экземпляровъ, эти изданія получаютъ во многихъ семействахъ и до нѣкоторой степени содѣйствуютъ распространенію просвѣщенныхъ воззрѣній и развитію мышленія женщинъ, сдѣлавшаго столь замѣчательные успѣхи въ современной Японіи. Что касается вопроса о начитанности японокъ, получившихъ современное образованіе, то мои собственные наблюденія въ этомъ дѣлѣ приводятъ меня къ убѣжденію, что онѣ хорошо освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ ихъ странѣ и за предѣлами ея, поскольку это касается послѣдней; но что интересъ японокъ къ міровымъ явленіямъ, въ общемъ, менѣе развитъ, чѣмъ у американокъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ онѣ интересуются заграничными дѣлами.

Въ этомъ отношеніи онѣ широко отличаются отъ мужчинъ, умы которыхъ постоянно работаютъ въ направленіи привитія новыхъ идей на почвѣ старой цивилизаціи страны.

Среди японскихъ изданій по женскому вопросу ничто не можетъ сравниться ни по силѣ изложенія, ни по радикальному содержанію, съ книгой, выпущенной года два назадъ Фукузавой, самымъ вліятельнымъ „учителемъ“, какого только Японія видѣла въ эту эру просвѣщенія. Трудъ его состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая — весьма искусное и блестящее юморомъ нападеніе на „Великое поученіе для жейщинъ“, книгу, которая почти въ теченіе четырехсотъ лѣтъ, какъ думаютъ, содержала все, что по господствовавшему до сихъ поръ мнѣнію женщинѣ надлежитъ знать. Вторая же часть работы Фукузавы является опытомъ „Новаго великаго поученія для женщинъ“. Столь революціонны мнѣнія, выраженные въ разсматриваемой книгѣ, что многіе японцы колеблются дать позволеніе своимъ женамъ и дочерямъ читать ее, и по крайней мѣрѣ въ одной современной христіанской школѣ она не допущена въ бібліотеку, какъ слишкомъ либеральная для дѣвочекъ. Мы находимъ въ книгѣ Фукузавы возвышенный идеалъ, который усвоенъ давно уже въ наше время просвѣщенными людьми западныхъ странъ, но провозглашеніе имъ этого идеала, какъ путеводной звѣзды въ жизни общества для Японіи, было для послѣдней чѣмъ-то вродѣ громового удара,—и это показываетъ, какъ далеко еще положеніе женщины въ Японіи отъ того, какое она заняла въ Америкѣ и передовыхъ странахъ Европы. У отличающихся меньшею терпимостью расъ люди линчировались или сожигались на кострѣ и за гораздо меньшее уклоненіе отъ установленнаго кодекса

общественной морали, чѣмъ то, какое проповѣдуетъ Фукузава.

Фукузава исходитъ изъ предположенія, что женщины совершенно равносильны мужчинамъ по духовной природѣ и потому имѣютъ право на занятіе равнаго съ ними положенія въ семьѣ и государствѣ. Хотя онъ допускаетъ, что, по существу, женское дѣло совершенно отличается отъ мужского, но настаи-

Фукузава Якиши.

ваетъ на томъ, что первое столь же важно, какъ и послѣднее, и что должно имѣть свои привилегіи и права. Особенно напираетъ онъ на ту точку зрѣнія, что въ отношеніи чистоты жизни на мужчинѣ лежатъ такія же нравственныя обязательства, какъ и на женщинѣ. Онъ подробно останавливается на несчастьѣ въ семьѣ, являющемся слѣдствіемъ наложничества, доказывая при этомъ, что мужъ въ такой же мѣрѣ

обязанъ сохранять цѣломудріе, какъ и жена; и такъ какъ требованіе отъ женщины этого послѣдняго ставится на первое мѣсто послѣ послушанія, считающагося высшей добродѣтелью изъ всѣхъ добродѣтелей японской жены, то легко представить себѣ, какъ сильно должны волновать японцевъ эти разсужденія Фукузавы. Далѣе, онъ настаиваетъ на томъ, что женщины должны требовать, какъ права, отъ своихъ мужей и семействъ такихъ же привилегій и свободы, какими пользуются мужчины въ обществѣ.

Такія убѣжденія, обычныя въ Америкѣ, высказывались уже въ Японіи нѣкоторыми передовыми мыслителями ранѣе Фукузавы, но ни одинъ изъ нихъ до тѣхъ поръ не осмѣливался такъ энергично и съ такими сильными аргументами пытаться разорвать цѣпь обычая, въ силу котораго женщина держится въ положеніи низшаго существа. Кайбара говоритъ, что если женщина видитъ, что мужчина неправъ, она должна ласково возразить ему, выбравъ время, когда онъ болѣе всего расположенъ слушать ее. Если онъ отказывается сдѣлать это, она не должна настаивать на своемъ, а обязана попытаться выждать еще болѣе удобный случай... И если послѣ нѣсколькихъ попытокъ она не будетъ имѣть успѣха, то должна совсѣмъ отказаться отъ нихъ для того, чтобы не разсердить мужа. Фукузава говоритъ, что если это требуется отъ женщины, то столь же справедливо предъявить такое же требованіе и къ мужчине, — т. е., если мужчина находитъ свою жену неправой, то онъ долженъ выждать случая, когда она придетъ въ доброе расположеніе духа, и только тогда сказать ей свое мнѣніе. Фукузава бросаетъ новый свѣтъ на обязанности мужей и отцовъ къ своимъ женамъ и дѣтямъ въ другомъ отношеніи. Онъ говоритъ, что ни одинъ муж-

чина никоимъ образомъ не можетъ возлагать отвѣтственности за счастье семейнаго очага только на жену; что онъ отвѣтственъ за семейный миръ столько же, сколько и женщина. Воззрѣніе этого рода совершенно ново въ Японіи, такъ какъ до сихъ поръ семейное счастье считалось зависящимъ только отъ женщины. Обязанность жены по отношенію къ свекру и свекрови ея также трактуется „на революціонныхъ началахъ“. Надо ли удивляться, что многіе мужчины боятся вліянія такой книги на ихъ изящныхъ, покорныхъ женъ? Въ связи съ этимъ интересно, однако, замѣтить, что при совершеніи недавно брака между молодыми людьми по обрядамъ шинтоистской религіи,—который самъ по себѣ является шагомъ впередъ въ японскомъ идеалѣ свадьбы,—священникъ подарилъ невѣстѣ по экземпляру книгъ, какъ Кайбары, такъ и Фукузавы, можетъ быть, съ цѣлью предоставить ей сдѣлать выборъ между старымъ и новымъ порядками вещей, а можетъ быть, чтобы она могла научить своего мужа тому, что рекомендуетъ Фукузава, ревностно исполняя освященные временемъ наставленія Кайбары.

Здѣсь уместно упомянуть объ одномъ весьма характерномъ явленіи современной жизни въ Токио, а именно о наклонности женщинъ составлять общества и клубы для достиженія какой либо общей цѣли. Изъ такихъ учрежденій бѣольшая часть преслѣдуетъ образовательныя задачи: члены общества или клуба собираются разъ или два въ мѣсяцъ для слушанія лекціи по предмету, знакомство съ которымъ позволяетъ имъ „не отставать отъ времени“; учреждено также патріотическое общество, задавшееся цѣлью собирать деньги для снабженія солдатъ на полѣ битвы, или вдовъ и сиротъ воиновъ, или оказывать содѣйствіе вообще ка-

кому либо патриотическому предпріятію; имѣются и другія благотворительныя общества, съ болѣе или менѣе широкими задачами, или же съ цѣлью содѣйствія дѣятельности какого либо отдѣльнаго учрежденія. Списки членовъ этихъ обществъ показываютъ, что движущей силой въ нихъ, почти во всѣхъ случаяхъ, является одна и та же группа энергичныхъ образованныхъ женщинъ, которыя, такимъ путемъ или многими подобными ему путями, дѣлають, что могутъ, для расширенія умственныхъ горизонтовъ своихъ соотечественницъ и выводятъ ихъ на болѣе широкое поприще жизни.

Вѣроятно, то же самое происходитъ и въ другихъ городахъ, въ которыхъ замѣчается движеніе въ направленіи организаціи различныхъ женскихъ обществъ и клубовъ.

Въ происшедшей за послѣдніе годы перемѣнѣ въ положеніи женщинъ въ Японіи ничто, быть можетъ, не обращаетъ на себя большаго вниманія, чѣмъ открытіе имъ новыхъ путей къ заработку. Развитіе сѣти школъ предъявляетъ все возрастающій спросъ на учительницъ; хотя, правда, пока еще въ нормальныхъ школахъ число женщинъ, готовящихся къ учительству, относится къ числу мужчинъ только, какъ одинъ къ шести, и хотя въ педагогическомъ составѣ даже и элементарныхъ школъ число женщинъ, въ противоположность тому, что наблюдается у насъ въ Америкѣ, далеко ниже, чѣмъ мужчинъ,—все-таки можно сказать, что уже и теперь многія японки занимаются учительствомъ. Изъ данныхъ отчета о школахъ за 1898 годъ мы видимъ, что болѣе десяти тысячъ женщинъ занимають въ нихъ должности учительницъ и помощницъ учителей въ общественныхъ и частныхъ школахъ. Благородная дѣятельность ухода за боль-

ными, открытая для женщинъ только десять лѣтъ назадъ, нынѣ уже многихъ изъ нихъ завербовала на свое поприще. Въ этомъ году при однихъ только госпиталяхъ Краснаго Креста почти тысяча женщинъ слушали преподающійся имъ курсъ, и тысячи, уже окончившихъ послѣдній, разсѣяны по всей странѣ, дѣятельно отвѣчая возрастающему спросу на ихъ все болѣе и болѣе оцѣниваемыя обществомъ знанія и умѣнія. Воспитанницы Краснаго Креста были уже испытаны въ двухъ войнахъ и проявили при этомъ не только солидность своей профессиональной подготовки, но и воинскія добродѣтели, свойственныя націи, также какъ и болѣе присущія женщинамъ качества терпѣнія и кротости, вмѣстѣ съ устойчивостью и самоуваженіемъ, которыя позволили имъ уберечься отъ суровыхъ искушеній въ неблагопріятной обстановкѣ. Мнѣ не удалось достать статистическихъ свѣдѣній о сестрахъ милосердія при другихъ учрежденіяхъ въ государствѣ, но думаю, что для оцѣнки всего числа ихъ вышеприведенныя данныя могутъ быть удвоены безъ боязни преувеличенія.

Ростъ торговли и промышленности значительно увеличилъ требованія на женскій трудъ внѣ дома. Въ старые дни наиболѣе значительныя отрасли промышленности въ Японіи, чайная и шелковая, поддерживались, главнымъ образомъ, домашнимъ трудомъ женщинъ; но употребленіе современныхъ машинъ быстро „выгоняетъ“ и здѣсь ткацкую промышленность изъ домовъ на фабрику, требующую рабочихъ рукъ женщинъ и малолѣтнихъ.

Въ газетѣ Japan Mail отъ 8-го іюля 1901 года находимъ слѣдующія цифры относительно занятія женщинъ на фабрикахъ:

Мануфактуры. Число женщин. Число женщ. на 100 мужч.			
Шелковая	107.348	„ 93	„ „
Хлопчатобумажная.	53.053	„ 79	„ „
Спичечная	11.385	„ 69	„ „
Бумажная	10.656	„ 86	„ „
Табачная	7.874	„ 72	„ „
Плетеніе матовъ	1.641	„ 59	„ „

Однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ послѣдствій этого новаго требованія на женскій трудъ является крайній недостатокъ въ прислугѣ, хотя плата служанкамъ почти удвоилась сравнительно съ тою, какою была десять лѣтъ назадъ. Японскимъ домохозяйкамъ чрезвычайно трудно найти теперь прислугу, и та, которую имъ удастся нанять, значительно низшаго качества сравнительно съ бывшею въ тѣхъ же семействахъ, на той же самой работѣ, десять лѣтъ назадъ.

Укажемъ еще на другіе пути заработка женщинъ въ Японіи. Сѣтъ телефоновъ, соединяющая японскіе города. Села и деревни, обслуживаются дѣвушками въ большомъ числѣ. Въ типографіяхъ мы находимъ за работой женщинъ, — не какъ наборщицъ еще, но какъ помощницъ наборщиковъ. Онѣ непрерывно переходятъ отъ одной наборной кассы къ другой, отыскивая и подавая требующіеся наборщиками идеографы. Принявъ во вниманіе, что даже небольшая типографія не можетъ обойтись менѣе, чѣмъ съ четырьмя тысячами знаковъ, а большая требуетъ въ нѣсколько разъ большаго числа, легко понять, какъ велика потребность въ сообразительныхъ и расторопныхъ помощникахъ для каждаго наборщика. Такъ какъ школы выпускаютъ съ каждымъ годомъ все большее число дѣвушекъ, пригодныхъ, по своей образовательной подготовкѣ, къ совершенію этой работы, и такъ какъ число

газетъ и другого печатнаго матеріала постоянно возрастаетъ въ Японіи, то требованія на рабочихъ по этой спеціальности также должны будутъ сильно возрасти современемъ.

Нынѣ есть уже нѣкоторое число женщинъ въ рядахъ репортеровъ въ ежедневныхъ газетахъ, а также и въ числѣ занимающихся другимъ литературнымъ трудомъ. Однимъ изъ лучшихъ современныхъ японскихъ беллетристовъ была женщина; но она умерла нѣсколько лѣтъ назадъ въ такомъ раннемъ возрастѣ, что ея труды явились скорѣе обѣщаніемъ, чѣмъ выполненіемъ того, на что она была способна по своему таланту. Японки начинаютъ завоевывать себѣ имена также, какъ и обезпечивать заработокъ и на художественномъ поприщѣ,—и надо замѣтить, что въ странѣ, гдѣ искусство столь распространено, какъ въ Японіи, успѣхъ въ этомъ направленіи указываетъ на громадное трудолюбіе и выдающуюся талантливость. Нѣсколько молодыхъ женщинъ зарабатываютъ себѣ хлѣбъ стенографіей и служатъ въ качествѣ конторщицъ и секретарей въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Пока не изобрѣтена пишущая машина, приспособленная для четырехъ тысячъ знаковъ, до тѣхъ поръ въ Японіи могутъ быть требованія письма на машинахъ только тамъ, гдѣ нужно иностранное письмо, т.-е. особенно въ открытыхъ портахъ, и здѣсь женщины уже и теперь занимаются этимъ трудомъ. Японское правительство нашло,—подобно тому какъ открылъ это недавно и дядя Самъ,—что для счета денегъ пальцы женщины болѣе приспособлены, чѣмъ пальцы мужчинъ, и этотъ трудъ такимъ образомъ также даетъ заработокъ женщинамъ. На желѣзной дорогѣ съ недавняго времени допускаютъ женщинъ на службу въ качествѣ продавщицъ билетовъ, и три

медицинскія школы уже выпустили нѣсколько женщинъ-врачей, хотя пока еще трудно сказать, насколько широко раскроется передъ женщиной въ этой странѣ медицинская профессія.

Есть, конечно, еще и другіе пути, на которыхъ женщины въ Японіи могутъ приобрѣтать средства къ большей независимости въ жизни, но все, что касается разсматриваемаго вопроса, еще такъ ново, что пока нѣтъ какой либо статистики, способной показать точный размѣръ требованій на женскій трудъ въ этой странѣ. Однако, на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, я склонна думать, что пока сколько нибудь значительныя величины наблюдаются лишь въ большихъ городахъ и по сосѣдству съ ними, и что новыя занятія женщинъ до сихъ поръ имѣютъ лишь весьма малое вліяніе на общій строй жизни Японіи.

Невозможно понять дѣйствительный прогрессъ въ дѣлѣ улучшенія положенія женщинъ въ этой странѣ безъ нѣкоторыхъ соображеній о вліяніи, какое христіанская мысль и христіанскій образъ жизни имѣли на характеръ мышленія и жизнь современнаго японца. Если японской женщинѣ суждено когда нибудь подняться на высоту положенія, занятаго женщиною въ христіанскихъ странахъ, то только при достаточномъ распространеніи христіанства въ ихъ отечествахъ; и по этой причинѣ изученіе развитія тамъ послѣдняго существенно для изученія разсматриваемаго нами вопроса.

Послѣднія десять лѣтъ не могутъ назваться удачными для дѣятельности миссіонеровъ въ Японіи во многихъ отношеніяхъ, и нерѣдко приходится слышать отъ менѣе бодрыхъ изъ нихъ, что ихъ работа въ теченіе этого времени была въ застоѣ, если даже не шла назадъ. Правда, статистика дѣятельности миссіо-

перовъ показываетъ постоянный, хотя и медленный, ростъ обращенныхъ въ христіанство; но всетаки, если сумма всѣхъ результатовъ усилій миссіонеровъ должна выражаться числомъ обращенныхъ, представляется сомнительнымъ, не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ обратить денежныя затраты, произведенныя на содержаніе христіанскихъ миссій въ Японіи, на какія либо другія цѣли. Теперь въ Японіи христіанъ всего 121.000, или около четверти процента всего населенія страны; но вліяніе этихъ христіанъ, какъ передовыхъ мыслителей, непропорціонально этому числу. Христіане работаютъ въ парламентѣ, въ арміи и флотѣ, въ университетахъ и школахъ, въ редакціяхъ изданій—въ числѣ, значительно превышающемъ названное отношеніе, по сравненію съ общимъ числомъ служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ, оказывая свое вліяніе многими путями на поднятіе народа до высшихъ нравственныхъ идеаловъ. Относительное число христіанъ, мужчинъ и женщинъ, въ правительственныхъ школахъ, съ которыми моя дѣятельность была связана, просто удивительно. Въ высшей нормальной школѣ, подготовляющей молодыхъ дѣвушекъ на должности учительницъ во всей странѣ, процентъ христіанъ въ учительскомъ составѣ поразителенъ; и въ школѣ для дочерей дворянъ, — которую надо считать консервативнымъ и недружелюбнымъ по отношенію къ иностранцамъ учрежденіемъ, — среди тридцати пяти учителей насчитывается пять христіанъ. Если, съ одной стороны, японскіе христіане не являются образцами всѣхъ добродѣтелей, такъ какъ у многихъ изъ нихъ есть склонность приспособлять христіанское ученіе со значительными компромиссами къ требованіямъ свѣтской мудрости, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что наиболѣе дѣятельные труженики въ дѣлѣ филан-

тропиі суть лица, принявшія христіанскую вѣру и борющіяся со всею горячностью за проведеніе въ жизнь принциповъ, преподанныхъ Великимъ Учителемъ. Современная христіанская церковь въ Японіи имѣетъ своихъ героевъ и своихъ отступниковъ, и между этими двумя крайностями она имѣетъ также ряды обыкновенныхъ мужчинъ и женщинъ, которые посреди чистыхъ неудачъ и многихъ искушеній обращаются къ имени Христа и слѣдуютъ завѣту Его жизни, возвышаясь морально надъ своими соотечественниками. Въ значительной мѣрѣ—благодаря имъ, значеніе христіанства поднимается въ общественномъ мнѣніи японцевъ—не христіанъ. И тѣ современные японцы, которые не имѣютъ особенной склонности къ христіанству, укоризненно покачиваютъ головой при проявленіяхъ въ обществѣ такихъ пороковъ, которые еще немного лѣтъ назадъ не считались бы ими зломъ. Много толкуютъ о ростѣ растлѣнія правовъ въ этой странѣ; но въ дѣйствительности идеаль добродѣтели никогда не былъ такъ высокъ со времени открытія доступа иностранцевъ въ Японію, какъ онъ стоитъ теперь: только христіанскій образъ мысленія далъ для нехристіанскаго общества зеркало, въ которомъ оно слишкомъ ясно видитъ свои недостатки. По моему мнѣнію, нѣтъ большаго грѣха въ наше время, чѣмъ упрекъ въ пониженіи, будто бы подъ вліяніемъ бѣлой расы, нравственности въ современной Японіи. Когда посмотришь на постоянно возрастающее уваженіе тамъ къ честности и силѣ характера христіанъ—мужчинъ и женщинъ, то нельзя не понять, что христіанство оказало уже и нынѣ большое и прочное вліяніе. Теперь банки, промышленныя предпріятія и другія учрежденія, требующія надежныхъ служащихъ, предпочитаютъ, при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ,

молодыхъ людей-христіанъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что они болѣе достойны довѣрія, чѣмъ большинство нехристіанъ, ищущихъ такихъ мѣстъ. Для иллюстраціи этого возрастающаго нравственнаго сознанія можно указать на недавнія успѣшныя усилія ограничить власть содержателей публичныхъ домовъ надъ ихъ жертвами и добровольными рабынями жорю или патентованными проститутками. Какъ я говорила въ предшествующей главѣ, женщины, отдавшіяся этому ремеслу въ Японіи, являются въ значительномъ числѣ невольными жертвами системы, которая позволяетъ родителямъ продавать своихъ дочерей для позорной жизни; и послѣднія вступаютъ на поприще ея столь молодыми, что едва ли могутъ считаться нравственно отвѣтственными за свое положеніе. Въ 1872 г. императорскимъ распоряженіемъ продажа дѣвушекъ была запрещена; но оно прозрачно обходилось тѣмъ, что плата за нихъ выдавалась родителямъ жертвъ въ видѣ ссуды, которая, вмѣстѣ съ послѣдовательными ссудами за одежду, вносились въ книги учрежденія, и это держало несчастныхъ въ столь постоянномъ долгу у своихъ хозяевъ, что онѣ никогда не могли освободиться отъ своихъ обязательствъ, развѣ только путемъ смерти или покупки ихъ какимъ либо увлеченнымъ почитателемъ. Общественное мнѣніе, хотя и выражая сантиментальное состраданіе по поводу тяжелаго жребія жорю, оказывало, однако, малую помощь, или даже совсѣмъ не оказывало ея желающимъ выбиться на другую дорогу и, въ сущности, смотрѣло на профессію проститутки, какъ на неизбѣжную, а потому совсѣмъ не заботилось объ искорененіи несправедливости, какой дѣвушки подвергались. Десять или двѣнадцать лѣтъ назадъ движеніе, начатое нѣкоторыми выдающимися японскими христіанами про-

тивъ жоройя—публичныхъ домовъ, не имѣло успѣха за недостаткомъ поддержки въ общественномъ мнѣніи. Рѣчи на эту тему были ошиканы аудиторіей молодыхъ людей, и ничего нельзя было сдѣлать существеннаго для оказанія помощи даже наиболѣе невиннымъ и несчастнымъ дѣвушкамъ, пожелавшимъ выбратъсь съ позорнаго пути. Въ новомъ сводѣ законовъ,—можетъ быть, не безъ вліянія упомянутаго движенія,—есть указаніе на то, что жор о могутъ оставить свое ремесло, заявивъ предварительно о своемъ желаніи черезъ полицію; но такъ какъ послѣдняя установила правило, согласно которому заявленіе жор о считается недѣйствительнымъ, если оно не подписано содержаниемъ жоройя, то фактически выходило, что дѣвушка не могла освободиться изъ подѣвласти послѣдняго безъ его согласія.

Въ 1900 году одна изъ такихъ дѣвушекъ въ провинціальномъ городѣ обратилась къ американскому миссіонеру за помощію въ дѣлѣ возвращенія ей свободы. Черезъ посредство его и его японскихъ друзей ея дѣло было передано въ судъ, который рѣшилъ, что контрактъ, съ нею заключенный, противенъ общественному благогостоянію и доброй нравственности, и что содержатель долженъ подписать ея заявленіе, несмотря на числящійся за нею долгъ. Хотя мѣстная полиція отказалась участвовать въ этомъ дѣлѣ, и хотя миссіонеръ и помогавшіе ему подверглись личному насилию служащихъ въ жоройя, обращеніе къ властямъ въ Токио имѣло, въ концѣ концовъ, результатомъ настояніе на исполненіе рѣшенія суда, и дѣвушка была освобождена.

Въ описанномъ дѣлѣ армія спасенія, которая имѣетъ доблестный контингентъ своихъ членовъ въ Токио и которая борется за свои идеалы во всякой формѣ,

чего бы ей ни стоило это, приняла сторону угнетенной жоро. Она издала даже специальную брошюру „Военный клич“, воззваніе къ дѣвушкамъ, приглашающее ихъ оставить позорную жизнь и предлагающее помощь всякой, которая обратится за содѣйствіемъ въ армію. Когда брошюра эта дѣятельно распространялась въ Юшиварѣ *, содержатели и служащіе, понявъ наконецъ, кто такіе были продавцы этихъ книжекъ, одѣтые въ странные костюмы арміи спасенія, напали на нихъ и послѣ серьезной драки изгнали ихъ изъ квартала. Такимъ образомъ война началась; и хотя токійская полиція уклонилась отъ нея, токійская пресса пошла рука объ руку съ сальваціонистами, такъ что скоро вся страна поднялась за это дѣло. Въ свою очередь, содержатели публичныхъ домовъ и служители въ нихъ, чувствуя, что ихъ исконные крупные барыши поставлены на ставку, съ большой энергіей начали стараться закрыть доступъ въ свой кварталъ всякому сальваціонисту или газетному репортеру, и въ горячности, не познавая иногда своихъ сторонниковъ, выгоняли и ихъ. Такъ остра была борьба, что контора изданія арміи спасенія должна была охраняться сторонниками ея отъ нападенія, и агенты ея при посѣщеніяхъ ими жоройя, съ цѣлью обезпечить дѣвушкамъ возможность освобожденія, всегда сопровождались конвоемъ изъ пятидесяти или шестидесяти полицейскихъ. Смертныхъ случаевъ въ дракахъ не было, но онѣ сопровождались серьезными побоями съ обѣихъ сторонъ, защищавшихъ свои столь противоположные интересы при невообразимомъ шумѣ,—пока наконецъ армія спасенія не добилаь того, чтобы каждая дѣвушка, содержащаяся въ невольномъ

* Специальный кварталъ проститутокъ и гейшъ низшаго разряда въ Токио.

узничествѣ, знала, какъ она можетъ освободиться изъ него и къ кому должна обратиться за помощью.

Въ теченіе сентября мѣсяца 1900 года, какъ прямое слѣдствіе нападеній арміи и на армію, число посятителей этихъ домовъ въ Токио уменьшилось приблизительно на 2,000 въ ночь. 2-го октября было опубликовано правительственное распоряженіе, которое однимъ ударомъ разрушило всѣ препятствія къ возвращенію дѣвушкѣ свободы во всякій моментъ, какъ только она пожелаетъ оставить свое ремесло. Новыя указанія сдѣлали для дѣвушекъ „паденіе въ бездну“ столь возможно затруднительнымъ, а „возвращеніе изъ нея къ свѣту“, — дѣломъ только одного шага. Въ одномъ Токио въ первые четыре мѣсяца послѣ обнародованія этого распоряженія 1.100 изъ 6.335 дѣвушекъ, имѣвшихъ патенты проституттокъ, оставили публичные дома, причемъ большая часть изъ нихъ возвратилась въ свои семейства, и многія были взяты на попеченіе въ домъ призрѣнія арміи спасенія. Освободившіяся такимъ образомъ мѣста не легко заполнить, потому что содержатели домовъ не будутъ давать впередъ родителямъ дѣвушки деньги, такъ какъ возвращеніе долга имъ теперь не обезпечено. Вслѣдствіе этого, а также и разоблаченій различныхъ золь прежней системы, дѣло торговли дѣвушками въ Японіи сильно упало. Многіе дома должны были закрыться за непокрытіемъ расходовъ по уплатѣ тяжелыхъ налоговъ.

Мы имѣемъ въ приведенныхъ фактахъ исторію успѣшной борьбы противъ системы, которая существовала въ Японіи въ теченіе трехсотъ лѣтъ, — борьбы, возникшей по почину христіанскаго дѣятеля, получившаго поддержку столь сильнаго общественнаго мнѣнія, что правительство и полиція должны были

уступить его настояніямъ. Мнѣ кажется, что трудно найти болѣе поразительный примѣръ вліянія христіанской мысли на общественное сознаніе въ какой угодно странѣ, чѣмъ этотъ крестовый походъ противъ публичныхъ домовъ въ Японіи. Рядомъ съ фактомъ, что десять лѣтъ назадъ ораторъ, говорившій противъ этихъ учрежденій въ аудиторіи молодыхъ людей, долженъ былъ замолчать передъ ихъ шиканьемъ и свистками, интересно замѣтить, что въ этомъ году учащіеся той же самой школы привѣтствовали аплодисментами и почтительнымъ вниманіемъ чтеніе адреса, обращеннаго къ борцамъ, возставшимъ противъ тѣхъ же учрежденій.

Мнѣ кажется до нѣкоторой степени поразительнымъ, что въ 1900 году въ Японіи было продано 50.000 экземпляровъ библіи—болѣе, чѣмъ всякой другой книги. Хотя настоящій переводъ далекъ отъ совершенства, и многое въ немъ непонятно среднему японцу безъ прямыхъ или косвенныхъ поясненій миссіонеровъ, тѣмъ не менѣе спросъ на эту книгу имѣется благодаря репутаціи, которую она пріобрѣла въ странѣ. Лишь немногіе миссіонеры въ Японіи не могли бы рассказать объ обращающихся къ нимъ жителяхъ деревень, которые, прочтя библію, попавшую къ нимъ въ руки тѣмъ или другимъ образомъ, были поражены красотой и благородствомъ мѣстъ, доступныхъ ихъ пониманію, и искали поясненій на возникшіе у нихъ вопросы по поводу мѣстъ, не вполне понятыхъ ими, у учителей или священниковъ. Мнѣ кажется умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующій интересный и, можетъ быть, странный, но во всякомъ случаѣ заслуживающій вниманія случай, слышанный мною изъ многихъ источниковъ.

Однажды ночью два вора пробрались въ дортуаръ

школы дѣвочекъ въ поискахъ добычи и случайно разбудили двухъ изъ нихъ. Въ смущеніи поднявшись на постели и ища мысленно, что бы сдѣлать для предотвращенія грозившей опасности, одна изъ нихъ схватила библію, которую читала на ночь, и подала ее одному изъ воровъ, сказавъ: „если вы прочтете эту книгу, то не будете имѣть нужды красть что нибудь больше“. Другая дѣвочка послѣдовала ея примѣру и отдала библію другому вору. Это все, что дѣвушки знали, и прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ послѣдствіе ихъ поступка обнаружилось.

Есть одно мѣсто въ Японіи, куда освобожденные преступники, если хотятъ возвратиться къ легальному образу жизни, обыкновенно обращаются. Это—семья въ Токио, въ которую глава ея, съ помощью своей умной и энергичной жены, принимаетъ кающихся и оказываетъ помощь сотнямъ экземплярамъ общественныхъ отбросовъ. Въ эту семью пришелъ однажды бывший преступникъ, который разсказалъ замѣчательную исторію о своемъ обращеніи. Онъ получилъ библію отъ маленькой дѣвочки однажды ночью въ домѣ, который ограбилъ, но былъ слишкомъ занятъ въ то время своей профессіей, чтобы послѣдовать ея совѣту и прочесть книгу. Впослѣдствіи однако, когда онъ былъ оторванъ отъ своего дѣла и заключенъ въ тюрьму, онъ началъ читать ее, и въ концѣ концовъ его умъ настроился такъ, что онъ рѣшилъ отказаться отъ своей воровской профессіи. Согласно этому, какъ только срокъ его заключенія окончился, онъ пришелъ въ убѣжище для бывшихъ заключенныхъ и, благодаря основателю послѣдняго и его доброй женѣ, устроился, въ концѣ концовъ, на пути трудолюбивой и честной жизни. Позднѣе, когда тюремное клеймо сошло съ его лица, и слѣды ношенія кандаловъ изгладились

изъ его походки, онъ возвратился въ свое семейство и къ друзьямъ, гдѣ находится и теперь, сдѣлавшись почтеннымъ членомъ общества, которое прежде обкрадываль.

Есть и другіе рассказы, показывающіе глубокое впечатлѣніе библіи на людей почтенныхъ и культурныхъ, хотя и не столь поразительное и интересное, какъ только что приведенное, но столько же, если не болѣе, знаменательное для будущаго Японіи. Такія явленія едва ли возможны въ современныхъ христіанскихъ странахъ, потому что тамъ старая библія даетъ мало новаго; но для японскихъ умовъ высказанныя въ библіи мысли безусловно новы во многихъ отношеніяхъ, и одно ея чтеніе часто вліяетъ на цѣлую жизнь человѣка, заставляя его измѣнить свое поведение, потому что поднимаетъ душу его къ идеаламъ высшаго порядка.

Примѣромъ прямого вліянія христіанскаго ученія на образъ мыслей японцевъ можетъ служить перемѣна въ значеніи одного слова. По ученію Конфуція, высшею добродѣтелью считается милосердіе, переводимое по японски жинъ; въ буддійскомъ ученіи высшая добродѣтель,—это состраданіе, или жиши. Когда христіанскіе миссіонеры впервые пришли въ Японію, то на туземномъ языкѣ нельзя было выразить понятія о любви въ христіанскомъ значеніи этого слова. За неимѣніемъ лучшаго, это значеніе пришлось передавать словомъ аи, которое обозначаетъ любовь высшаго къ низшему; и теперь старое слово аи повсемѣстно въ Японіи принимается и понимается въ его новомъ значеніи — постоянное свидѣтельство вліянія христіанства на національный образъ мыслей... Развѣ это малая вещь въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія расы, которая показала въ прошломъ такую

большую способность жить согласно своимъ идеаламъ?

Еще болѣе прямое вліяніе христіанскаго ученія на японское общество сказывается въ быстромъ расширеніи благотворительной дѣятельности его. По всей странѣ разсѣяны благотворительныя и воспитательныя общества, сиротскіе пріюты, госпитали, бесплатныя дѣтскіе сады, реформатскія школы и другіе показатели желанія со стороны болѣе состоятельныхъ помочь тѣмъ или другими средствами менѣе состоятельнымъ; и если вы углубитесь въ исторію любого изъ этихъ усилій, то обыкновенно найдете, что какойнибудь японскій христіанинъ или человекъ, на котораго сдѣлала впечатлѣніе филантропія въ христіанскихъ странахъ, составилъ планъ и организовалъ учрежденіе, и общественное мнѣніе своею поддержкой упрочиваетъ дѣятельность послѣдняго. Даже въ правительственныхъ учрежденіяхъ не трудно прослѣдить вліяніе христіанъ и христіанства. Общество Краснаго Креста, съ его семью тысячами членовъ и госпиталями въ каждой префектурѣ имперіи, носить знакъ христіанства на всемъ своемъ имуществѣ и на костюмѣ служащихъ. Мнѣ кажется можно сказать, не боясь ошибки, что безъ христіанскихъ вліяній за истекшее сорокалѣтіе въ современной Японіи было бы очень мало альтруистической дѣятельности. Именно чрезъ посредство христіанъ и ихъ ученія новѣйшія и лучшія мысли современнаго человѣчества пробиваютъ себѣ путь въ Японіи; это признано и просвѣщенными буддистами и шинтоистами, чтущими духъ христіанства, который не позволяетъ богатому быть спокойнымъ, когда обездоленные братья его проживаютъ въ нуждѣ или грѣхѣ.

Тотъ, кто изучаетъ религіозный вопросъ въ Японіи

въ его цѣломъ, не могъ не замѣтить необыкновеннаго возрожденія энергій буддистовъ во всемъ, что касается борьбы ихъ на жизнь и смерть съ чужою вѣрой. Правда, ниспроверженіе буддійской церкви правительствомъ во время реставраціи должно играть роль въ процессѣ этого возрожденія, потому что священнослужители ея, черпая теперь средства для своего существованія и для поддержки храмовъ исключительно въ добровольныхъ пожертвованіяхъ прихожанъ, вынуждены на усилія, какихъ не проявляли до тѣхъ поръ уже со времени далекихъ дней миссіонерства, когда они боролись за свое упроченіе въ странѣ. Но весьма сомнительно, были бы ихъ усилія, безъ конкуренціи христіанства, направлены такъ широко на образовательные и филантропическіе пути, поднялись ли бы духовные идеалы ихъ такъ высоко и быстро, посылали ли бы они изъ своей сферы молодыхъ людей за границу для изученія санскритскаго языка и исторіи, съ цѣлью лучшаго пониманія своихъ собственныхъ писаній, и вообще принимали ли бы они какія либо мѣры для усовершенствованія своей корпораціи. Вѣрно то, что буддизмъ, который, съ введеніемъ его въ Японію, въ дѣйствительности понизилъ положеніе женщины, теперь борется за общественное къ себѣ сочувствіе организаціей женскихъ собраній и учрежденіемъ разныхъ обществъ спеціально для женщинъ, и вообще дѣлаетъ, что можетъ, для увеличенія въ средѣ послѣднихъ самоуваженія для укрѣпленія и уваженія къ нимъ общества.

Приведу здѣсь интересный разсказъ, бросающій нѣкоторый свѣтъ на новое вліяніе, распространяющееся теперь среди буддистовъ, какъ онъ переданъ мнѣ недавно однимъ изъ моихъ друзей. Два брата, жившіе въ бѣдной деревнѣ на сѣверномъ берегу Японіи, сдѣ-

лались наслѣдниками небольшого имущества. Такъ какъ участокъ земли былъ недостаточенъ для обезпеченія существованія двухъ семействъ, то старшій братъ—благородный и вдумчивый юноша—отказался отъ своей доли въ наслѣдствѣ и поступилъ въ буддѣйскій монастырь. Въ тиши уединенія среди красивой обстановки, повседневныхъ службъ, пѣнія священниковъ и пріятнаго звона большого монастырскаго колокола, его мысли сосредоточились на думахъ о бѣдныхъ и порочныхъ людяхъ въ его отечествѣ, и онъ началъ чувствовать, что жизнь, которая направлена единственно къ духовному возвышенію ради его самого, не есть высшая жизнь, и что только активное воздѣйствіе этого возвышенія на другихъ можетъ заслуживать вниманія. Съ этого времени онъ началъ помогать бѣднымъ поученіями и добрыми дѣлами, которыя снискали ему много друзей. Въ стѣнахъ монастыря, однако, его дѣло не было одобрено. Его идеи и дѣйствія не были въ гармоніи съ ученіемъ секты. Онъ сначала былъ подвергнутъ дисциплинарному наказанію, а затѣмъ — изгнанъ и возвратился опять въ свою родную деревню безъ гроша денегъ.

Въ сѣверной Японіи зимы долги и суровы, и самые трудолюбивые изъ фермеровъ и рыболововъ могутъ обезпечить себѣ только скудные средства къ существованію суровымъ трудомъ. Можетъ быть, изъ этихъ деревень болѣе, чѣмъ изъ другихъ мѣстъ, вербуются дѣвушки для комплектованія жоройя большихъ городовъ. По крайней мѣрѣ, въ этой деревнѣ единственнымъ средствомъ для дѣвушки избѣжать большой нужды при самомъ суровомъ трудѣ была продажа себя... И при такихъ условіяхъ мечта видѣть большіе города, носить красивыя платья или служить предметомъ восхищенія и ласкъ или, наконецъ, можетъ

быть и выйти замужъ за какого нибудь богатаго возлюбленнаго, была соблазнительной приманкою для бѣдныхъ поселянокъ. На душу этого молодого человѣка, которая пробудилась навстрѣчу новымъ чувствамъ за время его монастырскихъ размышленій, весь ужасъ столь унижительныхъ для женщинъ условій подѣйствовалъ такъ, какъ никогда до сихъ поръ. Онъ искалъ помощи и сочувствія между своими друзьями и единовѣрцами въ деревнѣ, но положеніе дѣлъ было слишкомъ старо и слишкомъ знакомо здѣсь для того, чтобы возбудить интересъ. Наконецъ онъ нашелъ дорогу въ столицу, чувствуя, что гдѣ нибудь въ этомъ большомъ городѣ можетъ пролиться свѣтъ на вопросъ, такъ удручавшій его; ему надо было только узнать мѣры и найти средства—какъ начать дѣло, необходимость котораго онъ чувствовалъ. Въ Токио друзья его сказали, что христіане научать его, что къ нимъ онъ долженъ идти и ихъ образъ дѣйствій изучить, если хочетъ помочь населенію своей родной деревни. Такимъ образомъ молодой буддистъ, который нашелъ въ своей вѣрѣ божественный импульсъ, обратился къ изученію того, что дѣлали и дѣлаютъ христіане для обездоленныхъ братьевъ и сестеръ его. Дѣятельность его еще только что началась; мы не можемъ еще сказать, вступитъ ли онъ въ ряды японскихъ христіанъ или внесетъ что либо для просвѣтленія буддизма,—но чѣмъ бы дѣятельность его ни окончилась, приведенный рассказъ даетъ конкретный примѣръ того, что христіанство дѣлаетъ теперь въ Японіи вообще и для женщинъ этой страны въ частности.